

## РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

*М.Н. АФАНАСЬЕВ*

## Типология идеологий. Правая идея

Согласно сформулированной автором гипотезе, отсутствие классической политической идеи является стратегическим дефицитом, который затрудняет модернизацию России. При этом четкого понимания сущности правой идеи нет ни у элиты, ни у представителей общества. С целью восполнить указанный недостаток в статье определяется положение правой идеи в общей структуре идеологического поля.

**Ключевые слова:** правая идея, идейно-политическое пространство, идеология, реформизм, консерватизм.

According to the author, the absence of classical right political force is a strategic deficit, which makes it difficult to modernize Russia. In this case, a clear understanding of right ideas is not characteristic of either the elite or the public. In order to make up for this shortcoming in the article is determined the position the right ideas in the overall structure of the ideological field.

**Keywords:** right idea, ideological and political space, ideology, reformism, conservatism.

Считается, что Россия на протяжении двух постсоветских десятилетий идет правым курсом. В 1990-е гг. большая часть предприятий и инфраструктуры в стране перешла в частную собственность, а в 2000-е гг. шло укрепление государственной власти на основе новых капиталистических отношений. Частная собственность и государство – главные правые ценности. Можно по-разному оценивать результаты постсоветского развития страны, но сомневаться в его правом векторе, вроде бы, не приходится. Однако при этом в стране как не было, так и нет нормальной, цивилизованной правоцентристской политической силы с правой в классическом смысле этого слова идеологией. Выскажу гипотезу, что отсутствие классической политической правой силы – стратегический дефицит, затрудняющий модернизацию России.

Тезис об отсутствии правой силы в постсоветской России многим может показаться спорным и наверняка вызовет возражения у бывших членов либеральных партий (Демократического выбора России, Союза правых сил), а также у тех членов Единой России, которые предпочитают рассматривать и позиционировать партию власти в качестве правой партии. Дефицит понимания правой идеи в российском обществе и элите – составная часть указанного стратегического дефицита национального развития. Эта теоретическая статья написана с практической целью – сократить недопонимание.

Что имеется в виду, когда та или иная идеология и политика определяется как *правая*? Обычно политическая правая отождествляется с социальным господством

и властвующей элитой. Главная, “большая” рука – правая; у кого сила – тот и прав. Правая идеология – идеология социального господства, выражающая интересы господствующего социального класса или определенной властвующей группы внутри господствующего класса. Левая же идеология – идеология оппонирования власти, которая отрицает легитимность существующего господства и предьявляет политическую альтернативу, востребованную новыми господствующими группами или (и) нижними классами, претендующими на участие в распределении богатства и власти.

В соответствии с таким подходом первой правой идеологией следует считать апологию абсолютизма. После того, как завершился переход от дворянско-бюрократического господства к буржуазному, статус правой идеологии переходит к либерализму – наследники государственного абсолютизма становятся крайне правыми и самоопределяются как консерваторы, – освободившееся место главного политического оппонента слева занимает идеология социализма.

Популярность приведенной схемы объясняется ее ясной линейной логичностью. Однако такая право-левая дихотомия ничего не говорит о *содержании* соответствующих идеологий – о принципах и основаниях, на которых эти идеологии предлагают устроить социальный порядок и политическую власть. В результате правой партией могут называться предельно разные политические силы, отстаивающие принципиально различные установки: абсолютистская аристократия, капиталистическая олигархия, классические либералы, неолибералы, фашисты, фундаменталисты.

Идентификация политической правой как партии Старого порядка, а политической левой как партии Нового порядка – наследие революционной эпохи начала Нового времени. С тех пор много воды утекло, порядки по несколько раз поменялись, восстанавливались и менялись наново. Очевидная ясность превратилась в полнейшую путаницу. Не утрачивает ли смысл право-левая дихотомия по признаку власти при последовательном чередовании партий во власти и оппозиции в либеральных демократиях? Не утрачивает ли она смысл и в коммунистических режимах, где партии, считавшиеся до того леворадикальными, устанавливают абсолютную власть?

Кроме того, современное общество – это общество критикующее, а следовательно, привязка политической правой исключительно к господству, сведение ее “правоты” к интересам удержания или восстановления власти заведомо ставят политическую правую в сомнительное положение. По сути дела, сама право-левая дихотомия в эпоху модерна стала элементом левого политического дискурса, ибо исподволь предполагает, что правда “правых” сводится к оправданию существующих несправедливостей, а настоящую правду говорят “левые” критики существующего порядка.

Конечно, доводы левых оппонентов власти часто бывают справедливыми – особенно там, где власть замыкается на собственных интересах, теряет связь с народом, утрачивает волю и способность к общественному созиданию. Соль общественной критики обычно концентрируется в программах политической оппозиции. Однако в роли оппозиции, ниспровергающей плохую власть и выражающей претензии общества, нередко выступают не только левые, но и правые партии. Другими словами, у левых нет монопольной привилегии олицетворять “глас народа”, особенно если под таким пониманием выражение общенациональных интересов, а не только интересов нижних классов и в чем-то ущемленных групп общества. Но главное даже не в этом.

Расхожее представление – правые суть охранители, левые суть реформаторы – искажает сущностный смысл социального реформирования и противоречит очевидным историческим фактам. Чтобы убедиться в этом, попробуем составить “сборную мира” великих реформаторов Нового времени. В нее обязательно войдут отцы-основатели США – Дж. Вашингтон и его соратники, сплотившиеся в период дебатов вокруг конституции американского государства в партию “националистов-федералистов”. Столь же обязательно войдут в список великих реформаторов имперский канцлер О. фон Бисмарк, Ли Куан Ю, отец великих реформ в Китае Дэн Сяопин. По праву мировой элите реформаторов должны быть отнесены и отцы-основатели Европейского союза: К. Аденауэр, Ш. де Голль, А. де Гаспери, Р. Шуман. А теперь рассмотрим

политический профиль указанных исторических деятелей. И обнаружим, что *все* эти неповторимо индивидуальные личности – *правые* политики консервативного толка, которые одновременно с проведением реформ боролись с левой угрозой: Вашингтон и его соратники – с “эксцессами демократии” вроде фермерского восстания Д. Шейса, Бисмарк – с либералами и социалистами, Ли Куан Ю – с маоистами, Дэн Сяопин – с молодежным диссидентским движением, Аденауэр, де Голль, де Гаспери, Шуман – с мощным коммунистическим движением в послевоенной Европе.

Итак, “сборная мира” по реформам, как только мы попробуем таковую составить, окажется сборной великих правых политиков. Этот факт, безусловно, впечатляет и требует разъяснений. Почему именно правые политики оказались в числе наиболее успешных реформаторов? Что есть общего во взглядах и подходе выдающихся правых реформаторов? Что отличает этих “отцов-основателей” от легиона других правых политиков, которые тоже величали себя консервативными реформаторами, вождями и лидерами, но ничего путного для подвластных и ведомых народов так и не сделали? Отвечая на эти вопросы, мы, возможно, приблизимся к сути правой идеи.

Однако, прежде чем приступить к содержательному толкованию интересующего нас *типа* правой политики, нужно определить общую *типологию* политических идей и направлений. Необходимо установить систему координат, в которой станет возможным системное рассмотрение идеологического процесса, а следовательно, и более ясное определение места и взаимосвязей идеологии правого реформизма. Простота классового подхода, сводящего любую правую идеологию к интересам господства, конечно, подкупает, но, как можно было видеть, зачастую такой подход мало что объясняет и даже затемняет суть дела. Система координат идеологического процесса должна соотноситься с внутренним содержанием идеологий – с их основными идеологиями. Поэтому адекватная система идеологических координат несколько сложнее, чем одномерная право-левая полярность.

Для построения системы идеологических координат выделю две основополагающие дилеммы, которые выражают неустранимую внутреннюю противоречивость человеческого сообщества. Это, во-первых, дилемма *равенства/неравенства* и, во-вторых, дилемма *коллективизма/индивидуализма*. Обе они имманентно присущи общественному развитию человеческого рода и пронизывают все социальное бытие-сознание. Поскольку все идеологии Нового времени, сменившие религии в качестве координирующего человеческого бытие Логоса, в основе своей суть ответы на указанные дилеммы, последние и должны быть положены в основу плана идеологического пространства.

В пространственном плане указанные дилеммы задают две оси, каждую из которых составляют два противоположно направленных луча. Поскольку привычно связывать левое и правое направления политики с противоположными ответами на дилемму равенства/неравенства, расположим отражающую эту дилемму ось по горизонтали. Тогда левый полюс оси будет означать *максимальное равенство*, а правый полюс – *максимальное неравенство*. Ось, отражающую дилемму коллективизма/индивидуализма, расположим по вертикали таким образом, что верхний полюс оси будет означать *максимальную социальную включенность индивида*, а нижний полюс – *максимальную свободу индивида*. Повернув план по часовой стрелке, мы можем рассматривать ось коллективизма/индивидуализма как еще одно измерение привычной лево-правой дихотомии политического поля: левый вектор в таком случае обозначает эмансипацию индивида, а правый вектор – социальный консерватизм.

Две оси идеологических координат задают четыре пересекающихся друг с другом идейно-политических пространства (см. рис.). Слева – пространство *социализма* и *коммунизма*. Справа – пространство *элитизма* и *кастовости*. Сверху – пространство *консерватизма* и *тоталитаризма*. Снизу – пространство *либерализма* и *анархизма*.

Двойное именование каждого из четырех основных идейно-политических пространств обнаруживает их дихотомию: следуя по каждому из четырех пространственно-образующих лучей, можно наблюдать последовательность правильных, умеренных и неправильных, утрированных, идеологических полей. Правильные, умеренные



Рис. План идеологического поля.

идеологические поля: социализм, консерватизм, элитизм, либерализм. Неправильные, крайние идеологические поля: коммунизм, тоталитаризм, кастовость, анархизм. Различия между идеологическими полями в каждом идейно-политическом пространстве не менее – если даже не более! – важны, чем различия между четырьмя пространствами, что отражено в нашем плане соответствующими демаркационными линиями.

Приведение политических идеологий в единую систему координат позволяет лучше понять целый ряд важнейших взаимосвязей и оппозиций. Например, существенное различие между *либеральным коммунизмом* К. Маркса и *тоталитарным коммунизмом* вереницы вождей-марксистов. Можно яснее осознать тот парадокс, что *фашистский тоталитаризм* весьма схож с тоталитарным коммунизмом в своем антииндивидуализме и в то же время антагонистичен марксизму, корни которого идеологи фашизма вполне оправданно усматривали в ненавистном им гуманистическом (“масонском”) индивидуализме.

Можно проследить и не менее парадоксальную связь между фашистами и крайне правыми либералами – те и другие исповедуют разные формы социал-дарвинизма. На эту связь еще в 1935 г. обратил внимание К. Поланьи: “В Дюссельдорфской речи Гитлера говорится о полной несовместимости принципа демократического равенства в политике с принципом частной собственности на средства производства в экономической жизни как о главной причине современного кризиса... Либералы школы фон Мизеса утверждают, что воздействие на ценовую систему, практикуемое представительной демократией, неизбежно уменьшает производимый валовой продукт – фашизм, таким образом, получает оправдание как защитник либеральной экономики” [Поланьи, 2010б, с. 197].

А сейчас обратим внимание на центр идеологического поля. Его образуют четыре платформы: *социальный либерализм*, *левый космополитизм*, *социал-демократия* и *правый республиканизм*, выступающий в разных странах либо в светской форме, либо в форме христианской демократии. Каждая из этих платформ относится к двум пересекающимся идейно-политическим пространствам, притом не к крайним, а к умеренным идеологическим полям. Социальный либерализм – к полям элитизма и либерализма.

Левый космополитизм – к полям либерализма и социализма. Социал-демократия – к полям социализма и консерватизма. Правый республиканизм – к полям консерватизма и элитизма.

Таким образом, все четыре центристские платформы – это “левые правые” и “правые левые” по обоим координатным осям. Они связаны не только с соответствующими идейными полями, но и друг с другом, в результате образуя единое центральное идейно-политическое пространство современной цивилизации – ее совокупную, диалектически противоречивую и внутренне динамичную *норму*. Ни одна из *нормообразующих* идеологических платформ не может и не претендует на то, чтобы устранить другие.

Описанная выше диспозиция идеологий – результат не только вековой притирки разных идейно-политических платформ. Динамика идеологического поля Нового времени, скорее, похожа на “большой взрыв” и расширение Вселенной, в процессе которого идеологии дифференцируются и отталкиваются друг от друга. При этом четыре центральные платформы, наименее удалившиеся от эпицентра “Большого взрыва”, более всех других связаны общим генезисом. Общим источником для указанных идейно-политических платформ служат ренессансный христианский Гуманизм и выросшее из него Просвещение.

Однако при всем цивилизационном единстве и взаимосвязанности отношения между центральными идейно-политическими платформами не перестают быть остроконкурентными. Идеологическая конкуренция проявляется, в том числе, и в стремлении удревнить собственную идеологическую родословную за счет монополизации общего идейного капитала. Пожалуй, наиболее преуспели в этом сторонники либерализма, позиционирующие себя в качестве прямых наследников Гуманизма и Просвещения. Показательно в этой связи, что во многих словарях и справочниках основателем либерализма называется Дж. Локк, который об этом даже не помышлял.

Локк был идеологом “славной революции” 1688–1689 гг. и вел заочный спор с Т. Гоббсом – учителем и сторонником короля Карла II. Гоббс выступал с апологией государственного абсолютизма: в передаче всей власти государству он видел альтернативу анархической войне всех против всех, то есть необходимое условие осуществления естественных прав людей на жизнь, достоинство и собственность. Локк же показывал, что передача всей власти государству не гарантирует от произвола государства. По Локку, для обеспечения действительных гарантий естественных прав людей государственная власть должна быть разделена согласно закону и обычаю. В тех случаях, когда власти не соблюдают правила “общественного договора” и посягают на главную гарантию свободы подданных – их частную собственность, они тем самым ставят себя вне закона и дают право подданным на сопротивление.

Таким образом, Локк поддерживает “государственную идею” Гоббса: только в государстве осуществляется общественный договор. Однако Локк эту идею существенно уточняет: общественный договор осуществляется не во всяком государстве, но лишь в том, где власть разделена и ограничена по закону. Для осуществления и защиты естественных прав людей на жизнь, достоинство и собственность нужен не Левиафан, а *конституционное правление*.

“Славная революция” 1688–1689 гг. была общим предприятием парламентских тори и вигов – англиканской элиты, ополчившейся против католиков, пресвитериан и других диссентеров. Проповедуя право граждан контролировать власть, Локк имел в виду формировавшуюся посредством конфессионального и высокого имущественного ценза “политическую нацию” (даже в начале XIX в. палата общин представляла “150 тыс. джентльменов”, а не английский народ). Элитарный конституционализм Локка, как и Ш. Монтескье, – это правая политическая интерпретация идеи “естественного права”, общая для всех правых сторонников Просвещения, уже позже разделенная на либералов и просвещенных консерваторов. Идея конституционного правления стала фундаментальной *правой* идеей Нового времени, которая наследовала идеям Аристотеля о правильном порядке полиса и противостояла, с одной стороны,

апологиям деспотизма, а с другой – левым, революционно-демократическим и коммунистическим, концепциям народного суверенитета, восходящим к Ж.-Ж. Руссо.

Закрепившиеся в начале Нового времени представления о “врожденных” правах людей на жизнь, свободу и собственность были накрепко связаны с представлением о *естественном праве*. Последнее издавна понималось как разумный миропорядок, который постигается и выражается здравым (“правым”) разумом, соблюдающим благо-разумную соразмерность. Из такого, идущего от Античности, понимания естественного права следовали три завета, характеризующие субъект, объект и цель Просвещения. Речь идет об особой роли просвещенных философов, о важнейшей задаче народного просвещения, о поиске баланса принципов и воспроизведении – *реформировании* – правильного *общества*.

На этом классическом фоне Просвещения ясно виден *постклассический* характер либерального учения, которое с конца XVIII и начала XIX в. претендует на роль последней идеологии прогресса. Либерализм поставил во главу угла принцип индивидуализма и объявил священную борьбу за эмансипацию индивида – освобождение его от всех форм государственного и общественного принуждения. Либералы стояли на крепком фундаменте Просвещения: когда они вышли на авансцену, философские принципы врожденных прав людей и гарантирующего их общественного договора уже становились действительными устоями европейской цивилизации. Научную новизну и актуальность собственно либерального учения составляла идея спонтанности регулирования социально-экономических отношений. Из этой программной идеи следовали практические выводы и рекомендации: переложить регулирование общественной жизни с государства на свободный рынок, оставив за государством лишь охрану частной собственности и установление общих правил свободной конкуренции.

Классовый и элитистский характер либерального мировоззрения и подхода к переустройству мира вполне очевиден. Популярность идеологием невидимой руки рынка и общей пользы деятельного эгоизма определялась историческим возвышением буржуазии. В свою очередь, либерализм сформулировал необходимые для буржуазии новые принципы и основания социального верховенства: личная предприимчивость и эффективность вместо благородного происхождения и сословной принадлежности. Реакционному мифу *аристократии* был противопоставлен прогрессивный миф *элиты*.

Итак, либерализм рассматривает, объясняет и оправдывает новое социальное господство как результат свободной конкуренции. *Конкурентное правление* становится важнейшим *правым* принципом устройства общественной жизни. Необходимость конкуренции в элите сегодня общепонятна, и либерализм внес немалый вклад в популяризацию и конституционное закрепление этого принципа. При этом либерализм рассматривает конкуренцию как необходимый и достаточный для правильного устройства общества социальный механизм.

Между тем свободная конкуренция – не более чем идеальный тип, с которым практически никогда не совпадает социальная действительность. Экономические и политические рынки отнюдь не гарантированы от монополизации, вырождения в олигополию и олигархии, которые быстро превращают рыночный механизм развития в механизм экономического и социального упадка. Поэтому либеральная концептуализация и институционализация социального господства принципиально недостаточны. Понимание элиты как людей превосходных, результативных, ресурсных, сильных – это идеология “бигмэнов”. В рамках такого понимания лозунг “*laissez faire*” становится требованием обеспечить социальные условия максимизации частной прибыли и минимизировать социальные обязанности элиты. Последствия освобождения сильных людей от всех форм государственного и общественного принуждения хорошо известны.

Совсем не случайно расцвет либерализма в Англии первой половины XIX в. приходится на эпоху капиталистической индустриализации. Именно либерализм, который тогда стали называть *манчестерским*, блокировал проведение государством активной социальной политики. Ведь согласно либеральным идеям, полное напряжение индивидом своих сил в конкуренции – самый эффективный способ содействия успехам

общества и удовлетворения собственных потребностей индивида. Между тем меры социальной политики удерживали бы индивида от полного напряжения сил. На практике это привело к беспредельной эксплуатации человеческой рабочей силы, в том числе женского и детского труда. В Англии самым эффективным способом чистки от копоти высоких и узких фабричных труб оказалось использование “дымоходных детей”. В США с повышением цен на хлопок в это же время получило широкое распространение плантационное рабство. Подобное бесчеловечное использование людей в качестве действующих орудий труда стало характерным результатом свободной рыночной экономики.

Бенефициары и идейные сторонники свободного рынка использовали в качестве главного идеологического постулата теорию “невидимой руки рынка” А. Смита. В ее основе лежит аналогия с ньютоновской механикой: взаимодействие индивидов как “общественных атомов” с необходимостью приведет к установлению некоего равновесного состояния общества, которое в конечном счете окажется на пользу всем и каждому. Показательно, что либералы актуализировали именно экономическую доктрину Смита, не обращая внимания на ту часть его учения, которую сам шотландский философ считал главной.

В фундаментальном социологическом труде “Теория нравственных чувств” Смит исследовал психологию человека, живущего в *общине*, и показал, что ниспосланная свыше способность человека к нравственному переживанию приобретает конкретную форму под воздействием социального окружения. В комплексе эмоций взаимодействующих индивидов, который Смит называет “сочувствованием”, ключевую роль играет чувство справедливости, понимаемое как воздержание от причинения зла другому. Отсюда следует, что общинное “сочувствование” и человеческое чувство справедливости суть необходимые элементы системы социальной саморегуляции. Эта установка спасает, но в то же время обнаруживает утопичность общей концепции. Кроме того, живший в XVIII в. Смит просто не успел осознать, что приветствуемый философом свободный рынок разрушит почитаемые им общины, формирующие “сочувствующих” индивидов.

В ответ на общественную критику “справа” и “слева” либеральная теория была реформатирована в *социальный либерализм*, представленный в первую очередь работами и публичными выступлениями Дж.С. Милля. Либерализм в социально-либеральном варианте признал необходимость корректировки результатов рыночного ведения хозяйства мерами социальной помощи, насколько это экономически возможно. Следующий шаг был сделан в XX в., когда многие либералы признали необходимость государственного регулирования уже самой рыночной экономики. Став социальным и кейнсианским, либерализм вошел в идеологический мейнстрим индустриального общества, а если точнее – стал одной из двух системных правоцентристских идейно-политических платформ.

С учетом сказанного об эволюции либерализма становится вполне ясной реакционность *неолиберального* идейно-политического течения, набравшего большую силу в последнюю четверть XX столетия. Известное определение *неолиберализма* как рыночного фундаментализма представляется вполне точным. Подобное возвращение к истокам отбросило либерализм на 200 лет назад. Неолиберальный фундаментализм нарушал цивилизационный консенсус (см. рис.), целенаправленно подрывая его основы – как идейные, так и институциональные.

Неолиберализм воспроизвел почти забытую догму о воплощенном в великом Автомате рынка Божественном провидении, но уже без ссылок на Бога. Хотя совершенно ясно, что без Бога великий Автомат повисает в воздухе. Эту очевидную несуразность неолибералы прикрывали идеологическим пафосом и положительными примерами рыночного стимулирования. Однако ноу-хау неолиберализма не сводится к старинному рецепту оживления экономики путем прекращения ее государственного регулирования. Усилия неолибералов отнюдь не ограничились дерегулированием индустриальной экономики, но были направлены на создание новых рынков. В первую

очередь речь идет о создании и экспансии рынка “новых финансов” (так называемая “финансализация” экономики), а также об открытии новых рынков за счет перевода в рыночный формат деятельности колоссальной социальной сферы современного государства и даже самого государственного аппарата.

В эпоху промышленной революции либералы шли в авангарде становления новой цивилизации, которую отличает доминирование рыночной экономики и ее интересов над всеми иными социальными связями и сферами. Появился небывалый тип общества, в котором, по определению Поланьи, не экономика встраивается в систему социальных связей, а социальные связи – в экономическую систему, и в результате рыночная экономика “пересоздает общество под себя”<sup>1</sup>. В конце прошлого столетия неолибералы возглавили движение за полное и окончательное поглощение человеческого общества и социального государства рыночной экономикой.

Когда неолибералы обвиняют социальное государство в том, что, берясь исправлять рынок, оно выражает мнение и осуществляет власть не доверяющих рынку общественных сил, они говорят сущую правду. Социальное государство – действительно, продукт недоверия к рынку. Оно создано общественными силами или, говоря словами Поланьи, “контрдвижением”, полагающим пределы рыночной системе отношений. Такое социальное контрдвижение образуется и питается из двух источников – двумя мощными социальными традициями. Во-первых, речь идет о традиции корпоративно-общинной, земской. Множество современных территориальных и профессиональных объединений наследуют традицию средневековых цехов и университетов, городских коммун и сельских общин. Не случайно социальное государство зародилось в первую очередь в Дании, Норвегии и Швеции – странах с высокой самоорганизацией населения в общинах, кооперативах, профсоюзах, политических и общественных объединениях. Говоря языком современной науки, основу социального государства составляет институционализированный общественный капитал. Во-вторых, рынок всегда сталкивался с мощной идейной и практической традицией государственного устройства общественной жизни. С одной стороны, именно государство инициировало и поощряло развитие рыночной экономики. Как показал В. Зомбарт в своем исследовании “духовного развития современного экономического человека”, государство было одним из первых капиталистических предпринимателей и всегда оставалось одним из крупнейших. В то же время, государство ставило экономику в определенные рамки, устанавливая те или иные правила, формируя ту или иную социальную среду и так или иначе корректируя социальные последствия рыночного хозяйствования. Приведу важную цитату из его труда: «Мы имеем классическое свидетельство этого отношения государственной инициативы к частной в заявлении одного немецкого камералиста, полагающего, что для улучшения мануфактур нужны благоразумие, размышление, издержки и награды, а потом приходящего к заключению: “это государственное дело: купец же остается при том, чему он научился и к чему привык. Он не заботится об общих выгодах своего отечества”. Эта фраза заключает в своем содержании целые тома» [Зомбарт, 1994, с. 71]. Одновременно с государственным поощрением и развитием хозяйства происходила трансформация самого государства. Общей тенденцией стало превращение более или менее просвещенного и преобразовательного абсолютизма в нацию-республику – государство национального развития.

Теперь самое время перейти к той части идеологического поля, которая нас более всего интересует. На рисунке это правый верхний квадрант центра. Это не крайне правая идейно-политическая платформа: на оси неравенства она оказывается слева от всех форм кастовости и социал-дарвинизма, а на оси коллективизма – слева от всех форм тоталитаризма и фундаментализма. Однако в рамках центра идеологического поля данный квадрант занимает именно *правую* позицию по обеим осям. Как уже

---

<sup>1</sup> В этом обществе производство фактически является *побочным результатом, с точки зрения получения дохода*, общественная структура превращается в бесформенное желе, а наша уничижительная зависимость от материального, которую человеческая культура всегда стремилась смягчить, намеренно усилена и возведена в ранг главенствующей (см. [Поланья, 2002; 2010<sup>4</sup>]).

отмечалось, рассматриваемая платформа относится к идейно-политическим полям *элитизма* и *консерватизма*. Нам необходимо раскрыть идеологическое содержание такого соотношения и смысл “правоты” правой идеи.

Вернемся к наблюдению, приведенному в начале статьи: правая позиция всегда связывалась с властью. Чтобы лучше понять смысл, идеологическую интенцию, этой связи, следует уточнить традиционную семантику пространства политики.

Согласно традиции, в центре политического пространства расположен олицетворяющий государственную власть Государь. Посмотрим на организацию пространства Зала малых забав в Версале, где в мае 1789 г. открылись Генеральные штаты Франции. На помосте – трон. По правую руку от короля – 300 представителей духовенства, по левую – 300 представителей дворянства, напротив – 600 депутатов от общин. Таким образом, военно-политическая сила абсолютистского государства – дворяне – “правые” не с точки зрения трона, а с точки зрения депутатов от общин. С нарастанием политического конфликта для народных депутатов крайне важно было то, как поведет себя духовенство, которое, как известно, раскололось. Поэтому подсчет “правых”, то есть держащих сторону трона и дворянства, и “левых” представителей в рясах стал актуальным парламентским вопросом. Итак, взгляд на “правых”, как на господ – это взгляд революции.

На взгляд с трона, “правые” – это церковники. И понятно почему: государь суть помазанник Божий, он держит перед Богом ответ за свое государство. Предстоятели церкви выступают свидетелями и толкователями сакрального Договора о государственной власти. Итак, с государственной точки зрения, “право” – не сила, а святость.

Вполне понятно, что реальные правые – будь то церковники или политики – могут отклоняться от государственной точки зрения очень далеко. Речь сейчас не об этом, а о том, что политическая правая функционально наследует церкви, а не кавалерии. Поэтому исконное дело политической правоты – *правое дело* – не сбор дани с подданных, а устройство мира и порядка в народе.

Первая заповедь, которую чит и выполняет выступающая преемницей церкви политическая правая, гласит: Государство – от Бога. Здесь политическая правая наследует не только социальным идеям церкви, но также идеям Просвещения. Государство воплощает и гарантирует “общественный договор”, отличающий и охраняющий человеческую цивилизацию от своего внутреннего варварства. Таким образом, истинно *правая* позиция – позиция принципиально *государственная* и *правовая*. В соответствии с этой позицией Государство суть регулятор, предназначенный для поддержания и воспроизводства человеческого *общества*, то есть, говоря языком Традиции, – воспроизводства природной, родовой *правды*, а говоря языком Просвещения, – воспроизводства *естественного права*.

В переводе на язык Дэн Сяопина и Ли Куан Ю это звучит как поддержание и воспроизводство *гармонии инь-ян*. Ведь главными социальными воплощениями инь и ян являются, конечно, главные социальные оппозиции: равенства/неравенства и коллективизма/индивидуализма. А вот как это звучит на языке “Федералиста” в изложении Дж. Мэдисона: “Скрытые причины крамолы заложены в природе человека, и мы зрим, как они повсеместно, хотя и в различной степени, вызывают действия, совместные с различными обстоятельствами гражданского общества. Страсть к различным мнениям касательно религии, правительства и тьмы других предметов, равно как различия в суждениях и в практической жизни, приверженность различным предводителям, добивающимся превосходства и власти, или лицам иного толка, чьи судьбы так или иначе привлекают умы и сердца, в свою очередь делят человечество на партии, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более склонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общего блага... При этом самым обычным и стойким источником разгула крамолы всегда было различное и неравное распределение собственности. Те, кто ею владеет, и те, у кого ее нет, всегда составляют в обществе группы с противоположными интересами... У цивилизованных народов необходимо возникают интересы землевладельцев, интересы промышленников, инте-

ресы торговцев, интересы банкиров и многих других меньших по значению групп, разделяя общество на различные классы, которыми движут различные чувства и взгляды. Урегулирование этих многообразных и противостоящих интересов и составляет главную задачу современного законодательства, неизбежно окрашивая партийным и групповым духом все необходимые и повседневные действия правительства” [Федералист, 1994, с. 80–81]. Главное средство для ограничения неистребимой крамолы в обществе и в самом правительстве Мэдисон и его соратники видели в устройстве сильного федеративного республиканского государства.

Очевидно, что никакое правительство – ни демократическое, ни аристократическое, ни монархическое – не справится с задачей урегулирования многообразных и противостоящих интересов, если государство будет сведено к роли “ночного сторожа” рыночной экономики. Поэтому вполне понятно холодное отношение американских федералистов к либеральной доктрине. А. Гамильтон, например, без обиняков предлагал отбросить “фантазии Адама Смита”. По свидетельству историка А. Шлезингера-мл., книгу Смита “Исследование о природе и причинах богатства народов”, которая увидела свет одновременно с Декларацией независимости в 1776 г., в США читали с восторгом, однако находили неубедительной. Президент Вашингтон в своем первом ежегодном обращении к нации ратовал за развитие “сельского хозяйства, торговли и промышленности всеми возможными способами”. Гамильтон, став министром финансов, призывал брать пример с “великого Кольбера” в поисках пути к национальному могуществу. «Он даже превзошел Кольбера, безоговорочно признавая частное накопление главной движущей силой экономического развития, но при этом не слишком-то веря в личный интерес как организующий принцип общества. Утверждения о том, что экономик способен к саморегулированию, Гамильтон называл “бредовым парадоксом”» [Шлезингер-мл.]. Еще в 7-й статье “Федералиста” Гамильтон отмечал, что ничем не ограниченный дух предпринимательства ведет к нарушению законов и произволу, а в итоге – к насилию и войне.

Как свидетельствует пример основателей американского государства, чтобы следовать заветам Просвещения – соблюдать естественные права людей, способствовать общему развитию, искать баланс социальных принципов и “правый” способ правления – совсем не обязательно впадать в либеральный идеологический радикализм. История европейских реформ свидетельствует о том же. В то время как значительная часть дворянства и служилой элиты европейских монархий в ответ на революционную угрозу заняла реакционно-охранительные позиции, *правый реформизм* продолжал созидательную традицию просвещенного абсолютизма – традицию соединяющего, преобразующего и развивающего нацию государства, понимаемого как общее дело.

Правый реформизм – по определению не доктринерство, а дело практического синтеза, поэтому говорить о какой-то его единой доктрине не приходится. В то же время нельзя не отметить, что на людей этого направления с конца XVIII в. большое влияние оказывали идеи просвещенного консерватизма. Современный *консерватизм* возник из отторжения, которое у сторонников Просвещения вызвали радикализм и жестокость Великой французской революции. Первым и лучшим по сей день изложением идей просвещенного консерватизма остаются “Размышления о революции во Франции” Э. Бёрка [Бёрк, 1993], английского писателя и политика партии вигов (именно вигов, а не тори).

Корень зла Бёрк обнаруживает не только в Старом порядке, но и в самой революции – он решительно осуждает революционное пренебрежение традициями и унаследованными от предков ценностями, бездумное уничтожение накопившегося столетиями культурного наследия и духовных ресурсов общества. В противовес радикализму абстрактных идей и основанных на них нововведений Бёрк формулирует кредо просвещенного консерватизма: забота о преемственности и естественном развитии общества, которое предполагает уважение к практическим правам людей и практической традиции народа.

Особенно важную идеологическую роль сыграла представленная Бёрком *консервативно-национальная* версия такой базовой идеи Просвещения, как *обществен-*

ный договор. Следует отметить, что Бёрк изложил подчеркнуто традиционалистское понимание *народа* как цепи поколений, которая соединяет мертвых с живущими и с теми, кто придет в будущем, в органичное единое целое во времени и пространстве. Это представление легло в основу концепции национального государства как союза, каждый член которого не только обладает гарантированными правами, но и несет обязательства перед “вечным” народом нации. Идеи национального единства и *национальной ответственности* элиты составляют важнейшую интеллектуальную заслугу Бёрка. Вот как определяет он задачу политика: сберегая органическое единство народа и сохраняя историческое наследие, политик должен особенно защищать интересы тех, кто придут в будущем. Другими словами, Бёрк возвел в принцип политической деятельности соединение прогресса с социальным и духовным капиталом традиции. Поиск конкретных воплощений этого противоречивого соединения как раз и составляет, по Бёрку, миссию национально ответственного политика.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что Бёрк сформулировал современную правую идею. Во всяком случае, он оказал решающее влияние на формирование правой идеи в трех важных аспектах. Во-первых, сформулированный им принцип *заботы о естественном развитии*, ясно отличает правую идею не только от радикально-прогрессистских и левых идеологий, но и от идеологических форм социальной реакции и паразитизма верховенствующих социальных групп. Во-вторых, просвещенно-консервативный подход определяет философию правого реформизма: *синтез модернизации и традиции*. Этот подход и философия перекликаются с традиционным толкованием социальной *реформы* (*ре-формы*) как *исправления* общества – восстановления нарушенных правил общежития, воссоздания народной правды. В-третьих, консервативно-романтический принцип *национальной ответственности*, наряду с либерально-утилитарным принципом конкуренции, стал составляющей современного концепта элиты. Поэтому в современном обществе легитимация элиты немыслима без обеспечения ее действительной общественной подотчетности и проверяемой национальной полезности.

В предельно краткой формулировке правая идея есть государственный реформизм и республиканизм. Характерно, что идеи государственного реформизма и республиканизма разрабатывались в одно время: в последние десятилетия XVIII в. они уже составляли достаточно цельную идейную программу социальных преобразований. Наряду с “Федералистом” и “Размышлениями о революции во Франции” источником и составной частью правой программы было классическое учение И. Канта о национальном государстве как публично-правовом союзе – нации-республике.

Правлению *отеческому* (*Imperium paternale*), “при котором подданные, как несовершеннолетние, неспособные различить, что для них на деле полезно, а что вредно, принуждены оставаться сугубо пассивными, ожидая от главы государства суждение о том, как им надлежит быть счастливыми, и предоставляя это суждение его милостивому соизволению”, Кант противопоставил не отеческое, а *отечественное, патриотическое* правление (*Imperium non paternale, sed patrioticum*) как единственно приемлемое для правоспособных людей. “*Патриотическим* (курсив мой. – М.А.) называется именно такой образ мыслей, когда каждый в государстве (не исключая и его главы) рассматривает общность как материнское лоно, а страну свою как почву, возделанную отцами, – почву на которой и из которой он сам вырос и которую он как драгоценный залог должен оставить после себя для того лишь, чтобы охранять права общности посредством законов совместной воли, а вовсе не считает себя вправе использовать ее по своему капризу” [Кант, 2005<sup>6</sup>, с. 234–235]. Переключка идей Канта и Бёрка совершенно очевидна. При этом в качестве основного принципа *гражданской общности* (*union civilis*) Кант постулирует принцип *публичного права*<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> “В самом деле, так как всякое право заключается только в ограничении свободы всякого другого тем условием, что она совместима по некоторому общему закону с моей свободой, а публичное право (в рамках общности) есть не что иное, как действительное, сообразное с этим принципом и соединенное с властью законодательства, в силу которого все принадлежащие к одному народу как подданные находятся

Кант советует не смешивать *республиканизм* с демократией, связывает его с принципом разделения властей и представительной системой, вполне допуская соединение республиканского устройства и способа правления с монархией как формой государства. “Республиканское устройство берет свое начало в чистом источнике права” [Кант, 2005<sup>a</sup>, с. 275]. Оно не только гарантирует естественные права людей в гражданских государственных сообществах, но и открывает перспективы установления мира между государствами – необходимой внешнеполитической гарантии права каждого на жизнь, безопасность и развитие. Для этого общий принцип гражданского устройства следует распространить на международное право и создать *союз народов*, который, однако, не должен быть государством народов. Этот *союз мира* имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение *свободы* государства для него самого и в то же время для других союзных государств.

Большое влияние на общественную мысль и укрепление в ней правой государственной идеи оказала философия права Г. Гегеля. Самый известный философ Нового времени наследовал античную традицию рассмотрения государства как воплощения универсального этически-правового принципа *сохранения социальности*. Гегелевское развитие этой традиции состоит в том, видя в государстве синтез семьи (как нравственной сферы) и гражданского общества (как системы всеобщей зависимости и нужды, которая, однако, содержит и нравственный корень – корпорацию), он раскрыл этот синтез как “осуществление свободы”, которая есть “абсолютная цель разума”, “осуществляющего себя как волю”.

Все левые много и дружно критиковали Гегеля за идеализацию прусской монархии. Позже один из теоретиков фашизма О. Шпанн назвал его философом тоталитаризма. Чтобы изобразить Гегеля тоталитаристом, нужно “всего лишь” изъять из его философии диалектику. Насколько далек он от тоталитаризма и самодовольного самодержавия, видно хотя бы по следующим его замечаниям. О среднем классе: “Государство, в котором нет среднего сословия, еще стоит поэтому не на высокой ступени. Такова, например, Россия, в которой есть крепостная масса и та, которая правит”. О гражданах, корпорации и государстве: “В наших современных государствах граждане лишь в ограниченной мере принимают участие во всеобщих делах государства; однако нравственному человеку необходимо предоставить, кроме его частной цели, и деятельность всеобщую. Это всеобщее, которое современное государство не всегда ему предоставляет, он находит в корпорации. Выше мы видели, что индивид, заботясь в гражданском обществе о себе, действует также на пользу другим. Однако этой неосознанной необходимости недостаточно: осознанной и мыслящей нравственностью она становится только в корпорации. Конечно, государство должно сохранять высший надзор за ней, ибо в противном случае она бы заостенела, замкнулась в себе и опустилась бы до жалкого уровня цеха. Однако в себе и для себя корпорация не есть замкнутый цех; она сообщает отдельному промыслу нравственность и поднимает его до уровня той сферы, в которой он обретает силу и честь” [Гегель, 1990, с. 336, 277–278].

Пожалуй, самое удивительное в теории Гегеля о самосознании и самореализации “мирового духа” в государстве – то, что эта идеалистическая теория реализовалась в исторической действительности. Притом именно абсолютистская Пруссия, в которую поверил истинный гражданин Германии и Европы Гегель, стала одним из главных проводников его “абсолютной идеи”. Пруссия создала конституционную империю, которая со временем, погибнув и восстав из черной дыры нацизма, стала Федеративной Республикой Германии – одной из больших звезд Европейского союза.

Только не надо спешить с идентификацией личности министра-президента Пруссии, первого канцлера Германии Бисмарка в качестве гегелевского “крота истории”.

---

в определенном правовом состоянии (*status iuridicus*) вообще, а именно в состоянии равенства действия и противодействия взаимно ограничиваемого произвола людей сообразно с всеобщим законом свободы (каковое состояние и называется гражданским) – то все в этом состоянии совершенно одинаково имеют природенное право (т.е. принадлежащее им до совершения какого бы то ни было правового действия) принуждать каждого, чтобы применение его свободы постоянно оставалось в границах согласия с моей свободой” [Кант, 2005<sup>b</sup>, с. 236–237].

Этот крот – существо по определению собирательное и диалектическое. Для осуществления государственной идеи в Германии решающее значение имели не только блестящие победы Бисмарка над европейскими соседями, германскими либералами, социалистами и католиками, но также и то, что соперники Бисмарка не были уничтожены, а его победы были условными и неокончательными.

Как известно, Бисмарк с симпатией относился к российскому самодержавию. Но воссоздаваемую Германскую империю он скреплял совсем не только железом и кровью, но также всеобщим избирательным правом, протекционистскими экономическими реформами, культуртрегерством и социальным законодательством. В знаменитой речи, произнесенной 28 марта 1867 г. в учредительном рейхстаге, Бисмарк в защиту всеобщего избирательного права привел соображения, которые стоит напомнить:

«Во-первых, всеобщее избирательное право является, до некоторой степени, наследством, завещанным живущему поколению историческим развитием германских объединительных стремлений. Оно формулируется в имперской конституции Франкфуртского сейма; оно противопоставляется Пруссией австрийским предложениям 1863 г. Во-вторых, всеобщее избирательное право должно быть признано относительно лучшей избирательной системой. Сословная организация представительства невозможна. Трехклассная прусская система является “наиболее нелепым и наиболее жалким избирательным законом из всех, придуманных в каком-либо государстве”. Система избирательного ценза всегда и необходимо произвольна и несправедлива. И в-третьих, не всеобщие и косвенные выборы являются искажением выборов – общественного мнения наций. В общенародном чувстве заключается больше понимания, чем в размышлениях немногих выборщиков» (цит. по [Гессен]).

Русский правовед В. Гессен считал, что, предлагая учредительному рейхстагу всеобщее и равное избирательное право, Бисмарк отдавал себе ясный отчет в социальном значении этой меры. В 1860-х гг. Бисмарк начинает интересоваться социальным вопросом и знакомится с Ф. Лассалем. В 1864 г. Бисмарк спрашивает у императора аудиенцию для депутации силезских ткачей, жалующихся на притеснения фабрикантов. По этому поводу в прусском ландтаге ему был предъявлен запрос. “Короли Пруссии, – отвечал Бисмарк, – никогда не были королями богатых” [Гессен]. Этот ответ характерен для Бисмарка, который рассматривал единение народа с государством в качестве важнейшего инструмента укрепления власти государя.

Весной 1881 г. – через два года после исключительного Закона против социалистов и сразу после убийства народовольцами российского императора Александра II – император Германии Вильгельм I обнародовал послание о социальном мире. В послании, сформулированном канцлером, говорилось: “Еще в феврале этого года мы позволили себе высказать убеждение, что исправление социальных диспропорций следует искать не исключительно в подавлении расширения власти социал-демократов, а в позитивном поощрении блага рабочих” (цит. по [Аннерс, 1994, с. 355]). Императорское послание о социальном мире стало исходным пунктом разработки и принятия законодательства о социальном страховании, в чем Германия намного опередила все другие страны.

Следует напомнить, что во второй половине XIX в. введение системы социального страхования и всеобщего избирательного права, то есть реформы, ставшие атрибутами социальной и политической модернизации, осуществляли также лидер консерваторов Б. Дизраэли в Англии и Наполеон III во Франции. Поэтому, при всей самобытности политического стиля Бисмарка, соединявшего монархизм, национальный консерватизм и реформаторство, деятельность канцлера-основателя была не уникальным историческим явлением, а ярким выражением исторической тенденции.

Преобладающая тенденция всемирного Нового времени, начавшегося в Европе, обычно определяется как модернизация. При этом, конечно, история Нового времени наряду с модернизацией дает массу примеров застоя и упадка, политической реакции и традиционалистского фундаментализма, колониального подчинения и неудач догоняющего развития. Но если выделить и проанализировать примеры успешной

модернизации, можно вывести если не формулу, то слагаемые успеха – действительные и мнимые. И тогда окажется, что наиболее успешные реформы, создавшие базовые институты современной цивилизации и обеспечившие устойчивое развитие наций, не были результатом тоталитарных мобилизаций и больших скачков, – равно как не были они результатом приватизации и рыночной концентрации всех ресурсов человеческого развития. Всемирно известные истории успеха – от создания США до современного возрождения Китая в качестве мировой державы – примеры эффективности правого реформизма, который соединяет инновации с традициями, частный интерес с социальным регулированием, государственную власть с национальной ответственностью.

Наш национальный опыт вполне подтверждает верность вышеизложенного урока всемирной истории. Правда, российский опыт чаще представляет подтверждения от противного. Потому так трагична наша история и так сильна негативная социальная инерция. Следует, однако, подчеркнуть, что Россия не всегда была поставщиком исключительно негативных примеров. История российской модернизации составляет наследство, которое нам следует чтить, знать и развивать.

Как и в других странах, главной идейной и действующей силой модернизации в России был правый реформизм, который питался двумя основными источниками: государственно-преобразовательной традицией просвещенного абсолютизма и просвещенно-консервативным общественным движением, соединившим *университет* (стратегический образ просвещения) с *земством* (стратегический образ национального консерватизма). Характерно, что отечественная модернизация вдохновлялась и делалась прежде всего людьми “среднего пути” – теми, кто соединяли в себе европеизм и народничество, патриотизм и просвещение, государственную идею и либерализм. Самыми влиятельными русскими европейцами были А. Пушкин, Н. Гоголь, И. Тургенев, создавшие национальную литературу, немислимую без достаточно широкой – от семинаристов до сенаторов – читательской аудитории. Можно назвать целый ряд выдающихся представителей русской элиты XIX и начала XX в., разделивших либерально-консервативные идеи и державших путь реформ и развития. Это сенаторы Н. Мордвинов и М. Сперанский, генерал-губернаторы М. Воронцов и Н. Муравьев-Амурский, просветители-”западники” Н. Станкевич и Т. Грановский, реформисты-”славянофилы” Ю. Самарин и князь В. Черкасский, чиновники-реформаторы А. Головин, Д. Милютин, Н. Милютин, академик-министр Н. Бунге, либерально-консервативные обществоведы Б. Чичерин, К. Кавелин, В. Ключевский, премьер-министры С. Вите и П. Столыпин, право-прогрессивные политики А. Гучков, П. Милоков, П. Струве.

Главной проблемой национальной модернизации до 1917 г. был синтез дворянской цивилизации, капитализма и раскрепощающейся российской деревни посредством корректной реформы землепользования и конституции. Неготовность правившей династии к правильной оценке и своевременному решению проблем модернизации привела к гибели Российской империю.

Нельзя не вспомнить и вторую половину 1960-х гг. Предмет и характер реформы А. Косыгина – соединение государственной организации социальной жизни с рынком, отход от коммунистического доктринерства, поиск практического синтеза частных и общих интересов, государственного регулирования и рыночной самостоятельности – позволяют рассматривать ее как пример правого реформизма, схожий с правым курсом Дэн Сяопина. Последующий отказ коммунистического руководства от реформы и консервация советского социализма предопределили крах СССР.

Урок отечественной истории предельно ясен: уклонение российской элиты от государственных реформ, подмена реформ политической консервацией ведут к сокрушительным победам российского нигилизма.

Правая идея никогда не была строгой доктриной – скорее совокупностью интенций. Но в любом случае антология правой идеи с необходимостью должна быть завершена структурированным определением ее современного смыслового содержания.

Не претендуя на завершенность, выделю основные составляющие правой идеи незавершенного Нового времени.

**Республиканизм и публичное право.** Понимание государства как гражданского союза, гарантирующего права людей на жизнь, свободу, собственность и развитие. Республиканскими целями и ценностями являются социальное правовое государство, единство и устойчивое развитие нации, национальная ответственность конкурентной элиты.

**Реформизм и естественное развитие.** Понимание принципа сохранения цивилизации как необходимости удержания социальных противоречий, воссоздания равновесия противоречивых социальных начал, *ре-*формирования правильного общежития (принцип: *сохранение как реформирование*).

Понимание модернизации как естественного – сохраняющего социальную преемственность – развития сообщества; понимание и осуществление реформы как органического синтеза социальной инновации и традиции для воссоздания правильного общежития (принцип: *реформа как синтез*).

**Социально-нравственные устои.** Понимание государства, семьи, общины/корпорации как необходимых основ общества, которые должны быть защищены от агрессивной экспансии индивидуализма и рыночной экономики.

**Неприкосновенность частной жизни и собственности.** Признание и обеспечение неприкосновенности частной жизни и собственности как неотчуждаемого права человека и как главной гарантии свободы граждан в государстве.

**Государство развития.** Признание и обеспечение организующей, устроительной общественной роли государства, что предполагает стимулирующее регулирование рыночной экономики, защиту национальной безопасности и национальных интересов в глобальной конкуренции, компенсацию “провалов рынка” и стратегические инвестиции в социальную инфраструктуру и развитие человеческого капитала.

**Субсидиарность и общественный капитал.** Признание и обеспечение следующих социальных правил: подотчетная власть должна быть как можно ближе к гражданам; экономические ресурсы должны быть как можно шире распределены среди населения; первичные сообщества и общественные объединения должны рассматриваться как необходимые ячейки и субъекты общественной жизни.

**Сотрудничество наций и международная безопасность.** Исходящее из применения принципов права, республиканизма и субсидиарности к международным отношениям признание необходимости создания не мирового правительства, но системы сотрудничества национальных государств. Цели международного сотрудничества – обеспечение всеобщей безопасности, обеспечение соблюдения основных прав человека, обеспечение общего устойчивого развития.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аннерс Э.* История европейского права. М., 1994.  
*Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции. М., 1993.  
*Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990.  
*Гессен В.М.* Основы конституционного права (2-е изд.). Петроград, 1918 (<http://base.garant.ru/5148630/4/>).  
*Зомбарт В.* Буржуа. М., 1994.  
*Кант И.* К вечному миру // *Кант И.* Избр. соч. В 2 т. Т. 1. Калининград, 2005<sup>а</sup>.  
*Кант И.* О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики” // *Кант И.* Избр. соч. Т. 1. В 2 т. Калининград, 2005<sup>б</sup>.  
*Полань К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.  
*Полань К.* Наша устаревшая рыночная психология // *Полань К.* Избр. работы. М., 2010<sup>а</sup>.  
*Полань К.* Сущность фашизма // *Полань К.* Избр. работы. М., 2010<sup>б</sup>.  
Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994.  
*Шлезингер-мл. А.М.* Циклы американской истории. М., 1992 (<http://www.xsp.ru/ch/pub/outpub.php?id=680&str=0010>).